

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ВОСТОКЕ В XX ВЕКЕ

MODERNIZATION IN THE EAST IN THE 20TH CENTURY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Александр Иванович Яковлев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, факультет Мировой политики МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия; aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor: St. Tikhon's Orthodox University, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В статье разбирается понятие кризиса как движущей силы и своего рода порождения колониальной деятельности стран Запада, во многом определившей процесс модернизации в странах Востока. Автор рассматривает особенности формационного и цивилизационного развития некоторых стран Востока к концу XX в., отдельно останавливаясь на примерах Турции, КНР и Тайваня, Саудовской Аравии, Сингапура, Вьетнама и Камбоджи. Проанализирована роль, играемая странами Востока в системах международного капиталистического хозяйства (МКХ) и международных отношениях (МО) в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: модернизация, модернизация на Востоке, цивилизационное развитие, кризисы XX века

Для цитирования: Яковлев А. И. Модернизация на Востоке в XX веке *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 80–98. DOI 10.18254/S268684310010366-0

The article examines the concept of crisis as a driving force and a kind of product of the colonial activity of the countries of the West, which largely determined the process of modernization in the countries of the East. The author considers the features of the formation and civilization development of some

countries of the East by the end of the 20th century, dwelling separately on the examples of Turkey, China and Taiwan, Saudi Arabia, Singapore, Vietnam and Cambodia. The role played by the countries of the East in the systems of international capitalist economy (МКН) and international relations (МО) in the late 20th – early 21st century is analyzed.

Key words: modernization, modernization in the East, civilizational development, 20th century crises

For citation: Alexander I. Yakovlev. Modernization in the East in the 20th Century: Problems and Solutions. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 80–98. DOI 10.18254/S268684310010366-0

КРИЗИС КАК ПОРОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДА

В начале XX в. большая часть стран Востока по многим показателям оставалась на низком уровне развития. Тем не менее восточные общества продолжали неспешное эволюционное развитие, в большинстве своем будучи объектами воздействия западного *империализма*. Немалая часть Востока находилась в колониальном или полуколониальном состоянии как часть системы «метрополия-колония». И все же, сознавая свою слабость, страны Востока не были готовы к решительным переменам.

К началу XX в. на Востоке насчитывалось немало *колониальных стран*: Филиппины (под контролем Испании), Шри Ланка (Португалия), Индонезия (Голландия), Индия, Бирма, Малайя, Египет, Судан (Великобритания), Алжир, Тунис, Марокко, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мадагаскар (Франция), Корея (Япония). Все властные функции в экономике и политике находились в руках колониальной администрации.

Роль Запада в развитии Персии (Ирана), Османской империи или Китая, сохранявших статус независимых государств, также была настолько велика, что, по сути, эти страны превратились в *полукolonии*. Местные правители, при сохранении номинально властных полномочий, в реальности следовали курсом, навязанным Западом: в отношениях с Западом они были не просто слабой, но неравноправной стороной. В то же время, сам по себе процесс деятельности западного капитала в восточном обществе неизбежно приносил в него новые

элементы: принципы деятельности, социальные отношения, новые материальные силы, новые начала культуры.

Помимо формационного воздействия, восточное общество испытывало и менее заметное влияние — цивилизационное, ведь действовавшие на Востоке западные миссионеры, торговцы, чиновники, солдаты были носителями иной, западной христианской культуры.

Западные компании действовали с целью получения прибыли, однако для ее максимизации и для оптимизации своей деятельности им приходилось приспосабливать отсталое восточное общество к потребностям современного капиталистического хозяйствования. Тем самым, невольно и фрагментарно, они ускоряли социально-экономическое развитие зависимых стран. Правоммерно вспомнить характеристику К. Марксом результатов «цивилизующей миссии» Великобритании в Британской Индии в XIX в. Разрушив там традиционные основы жизни местного населения, Англия невольно вызвала и ускорила ход глубокого общественного переворота. «Вызывая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными целями и проявила тупость в тех способах, при помощи которых она их добивалась. Но не в этом дело. Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бесознательным орудием истории, вызывая эту революцию» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 135–136]. А Непал или Афганистан, в которых за-

падный капитал не смог развернуть свою активную деятельность, продолжали застойное эволюционное развитие.

В то же время, «даже став колониями и полуколониями, общества Востока сохранили очень большую сопротивляемость по отношению к европейским готовым товарам в силу “естественного протекционизма”, зависящего от потребительских стереотипов, которые связаны как с социокультурными, так и с природно-климатическими факторами. Европейская промышленная продукция долгое время не вызывала интереса у восточного потребителя любого сословия, потому что она была столь же чужда ему, как материальная и духовная культура, породившая ввозимые издалека товары. Потребовалось немалое время, прежде чем европейский производитель научился хорошо имитировать местные изделия, а афро-азиатский покупатель принял отдельные элементы европейского потребительского набора и стиля, причем высшие слои общества и горожане перестроились намного быстрее низов и деревенского населения» [*Эволюция восточных обществ...* 1984, с. 136–137]. В стремлении к реализации западной модели восточное общество с необходимостью заимствовало ее формационные начала и производства и потребления.

Но и сами эти страны не всегда оставались пассивной стороной во взаимоотношениях с Западом. Их ответом на западный «вызов» стала модернизация. Освободившись от колониальной зависимости или ослабив полуколониальную зависимость, власть приступает к проведению коренных социальных реформ.

Таким образом, значение Запада состояло в том, что он невольно содействовал ускорению и выбору направления социально-экономического развития стран Востока (см.: [*Эволюция восточных обществ...* 1984, гл. 4]). Запад ослабил традиционную модель развития, предложил в качестве образца свою собственную модель, однако на деле развитие в восточных обществах пошло иным путем.

ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ в СТРАНАХ ВОСТОКА

Различные аспекты совершения странами Востока исторического рывка в своем развитии по капиталистическому пути широко освещены в литературе, в том числе в работах автора статьи (см.: [Яковлев, 2006]). Обратим еще раз внимание на то, что Запад являлся активным субъектом процесса модернизации, зачастую действуя жестко и агрессивно (см. подробнее [Яковлев, 2015]). Образное понимание «цивилизаторской миссии Запада» выразил **Р. Киплинг** в «Бремени белого человека» (1899, перевод А. Сергеева):

Неси это гордое Бремя.
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
Неси это гордое Бремя —
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй —
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай...
Неси это гордое Бремя —
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской тьмы!»

Исходя из предложенной ранее схемы реформы системы, суммируем процессы модернизации, протекавшие в нескольких странах Востока в XX в.

**Мустафа Кемаль
Ататюрк (1881–1938)**

По: <https://uwidata.com/6182-turks-commemorate-their-leader-81-years-ago-ataturk-passed-away/>

РЕФОРМЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ в 1920–1990-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (распад Османской империи, политическая революция, глубокий экономический кризис, внешние угрозы).

Инициатор: власть в лице Мустафы Кемалья Ататюрка и его соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны западных государств, активность западного капитала.

Этапы реформ:

1 этап фактически прошел в период Османской империи.

2 этап — 1920-е гг.: создание современного светского государства (принятие Конституции 1924 г., Гражданского кодекса, Уголовного кодекса; запрет пропаганды против принципов светского государства); запрет полигамии; введение обязательного и бесплатного начального образования для всех турок; первая перепись населения.

3 этап — 1930–1940-е гг.: разработка политики этатизма в экономике; отказ от традиционных социальных основ (упразднение исламской судебной системы — шариата и духовных училищ — медресе, предоставление женщинам избирательного права, светская регистрация браков и рождений, закрытие дервишских орденов); создание университета; вестернизация в сфере культуры (переход с арабского алфавита на латинский, введение европейского календаря

и летоисчисления, норм европейской бытовой культуры — одежде).

1950–1990-е гг.: индустриализация на основе сотрудничества государства и частного капитала; аграрная реформа; реформа образования; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры.

Результат реформ: успех, обретение ОПО (общественно-политических организмов) нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ (мирового капиталистического хозяйства) и МО (международных отношений).

Конечно, представленная схема может дать лишь самое общее представление о развитии Турции в XX в. Поясним, что результатом процесса модернизации в Турецкой республике стало формирование качественно нового общества, но некоторые его системообразующие элементы оказались заимствованными не из западной модели, а взятыми из исторического прошлого. В частности, поэтому в 2012 г. премьер-министр Р. Эрдоган, стремящийся развивать современное капиталистическое общество на традиционной исламской основе, столкнулся с трудностями при проведении своего политического курса.

Истоки трудностей — в этапах реформы системы, начатой Ататюрком. На первом и втором этапах модернизации главными задачами стали преобразование в сфере политики и культуры, на которые было потрачено много усилий государства и образованной части турецкого общества. Велика и роль самого Кемалья-паша, в начале своего правления признавшего

французскому дипломату: «Примером служит Великая французская революция, правда, мы отстаем на полтора века». Но «турецкий народ, создавший республику, — цивилизованный народ», — разъяснял Ататюрк в многочисленных выступлениях. «Наши идеи и наш образ мышления должны быть цивилизованы с головы до ног... Хотите того или нет, но мы должны двигаться к прогрессу. Это неизбежно» (цит. по: [Жевахов, 2008, с. 218, 258]). 27 августа 1924 г. Отец тюрок произносит «речь о шляпе», призывая мужчин отказаться от ношения фески, а женщин — от закрытия лица чадрой. «Я хочу, чтобы турецкая женщина походила на американскую», — признался он. 10 апреля 1928 г. Национальное собрание внесло поправки в конституцию: ислам перестал считаться государственной религией, утвержден принцип свободы вероисповедания, в официальных присягах больше не упоминается Аллах. 20 мая 1928 г. Национальное собрание принимает решение о латинизации турецкого алфавита. В июле 1934 г. Национальное собрание принимает решение о введении в Турции фамилий, а в новой столице — Анкаре создан симфонический оркестр.

Преобразования были объективно необходимы для разрыва с устаревшей частью Традиции, но недостаточны для создания основ буржуазного общества западного типа, они очевидно не совпадали с принципами современного западного буржуазного общества. Национализм, лаицизм (движение за освобождение общества от влияния религии), этатизм, республиканизм (гражданский кодекс) и демократизм (не демократия) — таковы основные принципы Ататюрка.

«Цель реформ, которые мы реализуем, — это превращение народа Турецкой Республики в современное общество, как по форме, так и по содержанию. Такова основная задача наших реформ. Те, кто не воспринимает эту реальность, будут уничтожены» (цит. по: [Жевахов, 2008, с. 259]). Великий реформатор осуществил «революцию сверху» на двойной

идеологической основе национализма и социализма, придав новое качество турецкому обществу. Специфика его преобразований состояла в том, что в конкретно-исторических условиях Турции 1920–1930-х гг., а также с учетом роли личности реформатора, первоочередными оказались задачи политики, а не экономики, проводились перемены в культурной жизни, а не в социальной.

Фактически Ататюрк создал новый тип модернизации: ускоренная и насильственная модернизация исламского общества. Его опыт с готовностью перенимали в Иране шах Реза Пехлеви, в Ираке — король Фейсал, ранее — король Афганистана Аманулла, позднее — Бургиба в Тунисе, Насер в Египте, Сукарно в Индонезии. Всех их привлекало по видимости успешное превращение традиционного исламского государства в светское. Ведь Ататюрк боролся не с исламом как религией, а с политизированным исламом, отстаивал не атеизм, а светскость, свободное отношение к религии как личному делу человека.

В результате решительных действий власти в стране прошла глубокая вестернизация, необходимая для осуществления «реформы системы», но не могущая заменить саму эту реформу. Ататюрк говорил об индустриализации («Пусть в Бурсе будет так много заводов, чтобы их число сравнялось с количеством религиозных заведений»), однако качественного рывка в развитии промышленности не произошло. «На потом» были отложены аграрная реформа и либерализация экономической жизни, а такого рода мероприятия как раз и создали бы массовую социальную основу нового современного строя: буржуазию (мелкую и среднюю) и наемных работников.

Затянувшийся на десятилетия третий этап реформ — социально-экономические преобразования, привел к формированию в Турции однородного буржуазного общества лишь к концу XX в. Но революционная попытка Ататюрка сменить «цивилизационный код» турецкого общества оказалась не столь успешной.

Чан Кайши (1887–1975)

По: Fu Runhua. Zhongguo Dangdai Mingren Zhuan. Shijie Wenhua Fuwu She, 1948. P. 1

РЕФОРМЫ В КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1950–1980-Е ГГ.

Причина: кризис национального масштаба (необходимость выживания режима Чан Кайши и миллионов китайцев, бежавших из материкового Китая после Китайской революции 1949 г.).

Инициатор: власть в лице Чан Кайши и его окружения.

Влияние внешнего фактора: полная поддержка Запада (США) (финансовая, военная, политическая и иная помощь).

Этапы реформ:

1 и 2 этапы отсутствовали, фактически они прошли на материке до 1949 г. в ходе реализации программы Сунь Ятсена; «Программа перестройки» Чан Кайши была оглашена в марте 1950 г.

3 этап — 1950-е гг.: аграрная реформа и развитие сельского хозяйства; 1960–1970-е гг.: индустриализация (развитие легкой и тяжелой промышленности) на основе взаимодействия государственного и частного капитала; 1980-е гг.: создание отраслей наукоемкой промышленности; реформа государственного управления; военная и образовательная реформы; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры.

4 этап — 1986–1991 гг.: разработка программы политических реформ, либерализация политической системы и политической жизни (отмена в 1987 г. закона о чрезвычайном положении (1950 г.), принятие в 1988 г. закона о свободе собраний, демонстраций и ассоциаций); переход от авторитарного к демократическому строю.

Результат реформ: полный успех модернизации, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

На первый взгляд, результат процесса важнее характера его протекания, однако в общественной жизни не стоит пренебрегать частностями, деталями. Процесс модернизации, как правило, начинает и проводит законная власть. Так было и в Китайской республике на Тайване, однако там власть была государственно-партийной. В 1949 г. **Чан Кайши** формально находился в отставке, до марта 1950 г. президентом считался Ли Цзунжэнь, но Чан оставался лидером Гоминьдана, что в условиях однопартийной диктатуры сохраняло в его руках основные рычаги власти.

Партия стала не только важным орудием преобразований после своей реорганизации, но также превратилась в социальную опору реформаторов. Уже в 1952 г. рабочие и крестьяне составляли 49,3 % членов партии, лица с обра-

зованием выше среднего — 29,8 %; чтобы снизить уровень враждебности между местными жителями и беженцами с материка, в партию целенаправленно принимали коренных жителей острова. Власть активно использовала идеологию. Основной принцип концепции Сунь Ятсена («модернизация работает на людей, люди работают на модернизацию») был дополнен «Тремя народными принципами» Гоминьдана: «национализм, народовластие, народное благоденствие» и принципом антикоммунизма [*Современный Тайвань*, 1994, с. 49, 47].

Стремительность и эффективность модернизации на Тайване в немалой степени обеспечивались высоким качеством государственно-административного управления и тотальным контролем партийно-государственной власти над общественной жизнью.

Не менее важным фактором, обеспечившим успех реформ, стала продуманная и жесткая, целенаправленная и долгосрочная, прагматичная и реалистичная экономическая политика государства. На Тайване не просто проводилась индустриализация и реструктуризация экономики, в развитии промышленности ставка была сделана на «гибкое сочетание экспортной ориентации с импортозамещением» [*Современный Тайвань*, 1994, с. 197]. Либеральные принципы сначала применялись в экономической политике власти, позволив создать открытую экономику, а позднее и в социально-политической жизни страны.

«Авторитарная модернизация» на Тайване стала моделью для подражания в Южной Корее, отчасти в других странах ЮВА. Своеобразный пример реформ на определенной идеологической платформе можно увидеть во Вьетнаме, где Хо Ши Мин дал «формулу модернизации»: «Социализм — это путь к тому, чтобы сделать народ богатым, а страну сильной». Спустя сорок лет, в 2001 г. IX съезд КПВ уточнил, что строительство социализма призвано сделать «народ богатым, страну сильной, строй демократическим, общество равноправным и цивилизованным» [*Сравнительный анализ общих черт...* 2012, с. 373]. Как констатируют западные эксперты, Вьетнам ныне имеет одну из самых быстрорастущих экономик в мире и притягивает «умные капиталовложения»: «Он подобен Китаю в миниатюре: в наличии имеются коммунизм, сельское хозяйство и промышленность. С присущей им дисциплиной вьетнамцы оставят позади и Таиланд, и Индонезию» [Ханна, 2010, с. 387].

РЕФОРМЫ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ В 1960–1990-Е ГГ.

Причина: кризис национального масштаба (широкое недовольство крайне низким уровнем социально-экономического внутри власти, влияние внешнего фактора — национально-демократических революций в арабском мире).

Король Фейсал ибн Абдул-Азиз Аль Сауд (1906–1975)

По: https://www.inform.kz/ru/lichnye-veschi-korolya-saudovskoy-aravii-feysala-eksponiruyut-v-astane_a3027220

Инициатор: власть в лице короля Фейсала и консервативных реформаторов внутри правящей семьи Аль Сауд.

Влияние внешнего фактора: полная поддержка Запада (США) (экономическая, военная, политическая и иная), активность западного капитала.

Этапы реформ:

1 и 2 этапы — 1960-е гг.: опираясь на достижения предыдущего правления (создание единого государства, централизация институтов управления, обретение стабильного финансового источника — американской нефтяной компании АРАМКО) принимается программа реформ («10 пунктов Фейсала»), подавляется сопротивление противников модернизации.

3 этап — 1970–1980-е гг.: создание основ современной промышленности, инфраструктуры и сферы обслуживания (торговля, страхование, финансы) путем взаимодействия государства и частного капитала; создание современной системы социального обеспечения, здравоохранения и образования; формирование современных социальных слоев (буржуазия, служащие, наемные работники).

4 этап — 1990-е гг.: начало реформ в политической жизни (создание Консультативного совета, расширение гласности в СМИ, проведение диалога власти с обществом, выборы в местные органы власти).

Результат реформ: успех социально-экономических преобразований, обретение ОПО нового качества, возрастание значения королевства в системах МКХ и МО.

Подчас объяснение успеха коренных социально-экономических реформ в Саудовской Аравии сводится к одному слову «нефть» (или «нефтедоллары»), но это, конечно, упрощение. Любые ресурсы лишь создают возможность развития, вовсе его не гарантируя.

Так, король Абдель Азиз Ибн Сауд, создатель нового государства, в 1930-е гг. проводил «реформы внутри системы», исходя из логики самосохранения: реорганизовал систему управления, создал подразделения регулярной армии и обеспечил стратегическое сотрудничество с

США. В 1950-е гг. доходы королевства от нефти значительно выросли, но бедность и отсталость общества, примитивность хозяйства сохранялись. Наследовавший ему старший сын, король Сауд, напротив, действовал как типичный феодальный правитель, наслаждаясь комфортом и подавляя сильные раздражители (рабочее движение на нефтепромыслах АРАМКО). Лишь смещение Сауда в 1964 г. в условиях нарастающей революционной ситуации позволило начать коренные преобразования.

Принципиальное отличие модернизации, начатой королем Абдель Азизом Ибн Саудом в 1930-е гг. и продолженной его сыном королем Фейсалом ибн Абдель Азизом в 1960–1970-е гг., от преобразований Атаатюрка и Чан Кайши состояло в различии целей: первые, консервативные реформаторы, проводили «реформу системы» ради сохранения основ традиционного арабийского общества, а вторые, вестернизированные революционеры, меняли традиционное общество ради проведения «реформы системы». Результаты кажутся похожими, но лишь с формационной точки зрения.

Модернизация королевства стала ярким примером первостепенной важности внешнего фактора для «реформы системы». Главной целью АРАМКО было, конечно, процветание своей страны, а не Аравии, но, следуя закономерности, описанной столетием раньше К. Марксом, американский капитал вынужден был приспособить отсталые структуры Аравии к потребностям своей промышленности. Появлялись саудовские рабочие и техники, предприниматели и торговцы, а позднее побуждало к сотрудничеству уже саудовское государство. Американский капитал, американские технологии, американские советники, американская военная помощь, американские программы школьного обучения и еще многое другое, пришедшее из США, — позволили королям Фейсалу, Халеду и Фахду в сжатые сроки создать современную индустриальную экономику (нефтяного типа), заложить экономические и социальные основы современного буржуазного общества.

В то же время, сохранение принципов ислама и бедуинской традиции, дополненное притоком нефтедолларов, придали новому арабийскому социуму черты не только своеобразия, но и устойчивости.

Попыткой такого рода системных преобразований можно считать реформы в Афганистане короля Мухаммада Захир-шаха, проводимые правительством его дяди Мухаммеда Дауда (пятилетние планы социально-экономического развития 1956–1961 и 1962–1967 гг., технико-экономическое сотрудничество с СССР, развитие промышленности и инфраструктуры, быстрый рост учебных заведений всех уровней). В 1964 г. была принята конституция, гарантировавшая гражданские свободы в рамках конституционно-демократической монархии с признанием ислама государственной религией, возникли политические партии. В то же время власть поддерживала ортодоксальное духовенство, кочевые и полукочевые племена. Но «демократический эксперимент» закончился неудачей, саудовский вариант реформирования был отвергнут.

В 1973 г. М. Дауд возглавил государственный переворот, монархия была свергнута, возникла жесткая авторитарная власть, которая, однако, расширила и углубила процесс социально-эко-

номических реформ при понижении уровня политической жизни; новые параметры государства были закреплены в конституции 1977 г. В апреле 1978 г. режим М. Дауда был свергнут, и в Афганистане началась эпоха смуты. Процесс реформирования был остановлен и отчасти повернут вспять. В центре общественного развития оказались политика и процессы формирования общества на основе исламских ценностей.

РЕФОРМЫ В СИНГАПУРЕ В 1960–1980-Е ГГ.

Причина: кризис национального масштаба (этнические и межобщинные столкновения, низкий уровень развития, бедность и отсталость).

Инициатор: власть в лице Ли Куан Ю и его соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны западного капитала и государств региона.

Этапы реформ:

1 этап — 1959–1965 гг.: попытки развития в составе Малайзии.

2 этап — 1965–1971 гг.: упрочение государственности и выработка программы модернизации; создание правовых основ рыночной экономики; административная реформа.

Ли Куан Ю
(1923–2015)

По: <https://www.ntv.ru/novosti/1376916/>

3 этап — 1970–1980-е гг.: индустриализация на основе высоких технологий, развитие сферы обслуживания (финансы, страхование, туризм); ликвидация безработицы; борьба с коррупцией; реформа образования; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 11,9 % в 1960 г. до 25 % в 1984 г. преимущественно за счет новых научно-технологических производств. Из общего числа экономически активного населения доля лиц наемного труда составляла 84,7 %, предприниматели — 4,1 %, самостоятельные хозяева — 9 %, семейные работники — 2,2 % [Галич, 2011, с. 308, 309].

4 этап — 1980–1990-е гг.: постепенная либерализация политической жизни.

Результат реформ: очевидный успех, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

Маленькое государство, возникшее в 1965 г. и едва различимое на географической карте, вдруг и в сжатые сроки смогло превратиться в один из мировых финансовых центров, в активного и самостоятельного субъекта мировой экономики. Всякий пример успеха уникален, пример Сингапура не исключение.

Обыкновенно большое внимание уделяют личности **Ли Куан Ю**, занимавшего пост премьер-министра Сингапура с 1959 г. до 1990 г. Это справедливо, потому что в процессе модернизации его роль действительно велика: он принял решение о начале перемен, составил программу реформ и контролировал процесс преобразований, обеспечивая поддержку реформ со стороны западных и азиатских стран. Однако не менее важный фактор, обыкновенно остающийся в тени, — внешний: западный капитал в виде ТНК оценил потенциальные возможности Сингапура и решился на создание там современных промышленных производств. Примем также во внимание малые размеры страны, ее выгодное географическое положение, высокую квалификацию и дешевизну рабочей силы.

К чести Ли Куан Ю, авторитарные методы управления сочетались при нем с либеральными экономическими принципами и не привели к возникновению авторитарного режима и консервации восточной отсталости. В 1993–2003 гг. население Сингапура выросло с 3,2 до 4,2 млн. чел. (на 28,4 %), причем в структуре самодельного населения сократилась доля занятых в обрабатывающей промышленности за счет возрастания доли занятых в сфере услуг [Галич, 2011, с. 310, 311], что позволяет констатировать устойчивый характер развития и вступление экономики на путь постиндустриального развития.

По данным на 2008 г. из 171 страны в рейтинге коррупции Сингапур занимает высокое четвертое место (для сравнения, Турция — 54–56, Саудовская Аравия — 76–80), пятое место по средней продолжительности жизни населения (82,1), шестое по размерам ВВП на душу населения (50,3 тыс. долл.), седьмое по размерам золото-валютных резервов (187,8 млрд. долл.) и 23 место по Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) [Государства в таблицах, 2010, с. 102, 143, 166, 174, 189].

В то же время, высокие темпы экономического роста и отличные экономические показатели не гарантируют правильности избранного курса в долгосрочном измерении. Назревают демографические проблемы из-за крайне низкого прироста населения и его старения, что делает неизбежным в будущем приток иностранной рабочей силы. Незавершенность консолидации отдельных национально-этнических общин в единую нацию, наряду с сохранением заметных различий между общинами на основе традиционных институтов и систем ценностей препятствует решению возникающих проблем [Галич, 2011, с. 314], одной из которых является укоренение у новых поколений крайне прагматического космополитического мировоззрения, что может вызвать проблемы в дальнейшем.

Пример реформ в Сингапуре остается уникальным в силу редкого совпадения различных факторов и обстоятельств.

**Мао Цзэдун (1893–1976)
и Дэн Сяопин (1904–1997)**

По: <http://manosfueradechina.blogspot.com/2013/08/deng-xiaoping-ese-no-era-un-verdadero.html>

**РЕФОРМЫ В КНР
в 1950–1990-е гг.**

Причина: кризис национального масштаба (бедность населения, слабость экономики, военная слабость).

Инициатор: власть в лице Мао Цзедуна, Дэн Сяопина и их соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны СССР, позднее — западного капитала.

Этапы реформ:

1 этап — 1950–1960-е гг.: создание основ современной промышленности госсектора, аграрная реформа.

2 этап — 1970-е гг.: борьба внутри власти, выработка программы модернизации.

3 этап — 1980–1990-е гг.: развитие сельского хозяйства и промышленности на основе новых технологий при поддержке государства и содействии западного капитала; либерализация и вестернизация социальной и культурной жизни; формирование современных социальных слоев; вступление в ВТО в 2001 г.

Результат реформ: успех социально-экономических реформ, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

По времени это последний пример успешной и масштабной модернизации на Востоке. Впро-

чем, процесс перемен в Китае еще не завершен. Продвижение Китая к современности в XIX в. осложнялось внешним фактором — активностью западных держав, а в XX в. — внутренней слабостью, расколом в обществе, ожесточенной борьбой различных политических сил.

Объективной целью революции 1949 г. была модернизация страны. Лидеры КПК, захватившие власть в Китае, сознавали неотвратимость и необходимость качественного преобразования всего китайского общества, приближения его к более высоким мировым образцам по социально-экономическим и военным показателям. В конечном счете, к концу XX в. эти цели были достигнуты, вопрос лишь — какой ценой.

Партия Мао была партией революционеров, и, несмотря на китайскую специфику, развитие там пошло по логике Революции. Всякая социальная революция означает, прежде всего, политический переворот и разрыв с Традицией. Так было во Франции в конце XVIII в., в России в начале XX в., так случилось и в Китае.

Главными целями революционеров становятся не развитие общества, а сохранение власти, борьба с противниками и укрепление в общественном сознании своей идеологии. Борьба с несогласными порождает гражданскую войну, и реки крови заливали в годы революционной смуты Францию, Россию, Китай. Лишь после утверждения своего

господства и создания новой государственности, революционеры принимаются за переустройство общества на новых началах. Таким образом, хотя революция решает задачи Модернизации, общество вынуждено платить за это более высокую плату, чем в случае проведения бескровной «революции сверху». Так, «платой» только за эксперимент «большого скачка» в 1959–1962 гг. стала гибель от голода около 20 млн. чел [Киссинджер, 2014, с. 204].

Идеология играла немалую роль в процессе модернизации, но идеологический фактор не был однозначным, как в Турции или в Саудовской Аравии. В Китае произносимые лозунги подчас имеют прямо противоположное содержание: так, при Мао Цзэдуне идеи коммунизма прикрывали идеи ханьского национализма, а «диктатура пролетариата» оборачивалась неоператорской властью Председателя.

Лозунг социализма до настоящего времени присутствует в общественно-политической жизни Китая, но что он подразумевает? В 1979 г. в решениях IV пленума ЦК КПК было записано, что «не следует закреплять производственные задания за дворами, за исключением некоторых хуторов, занимающихся производством особо важной продукции подсобных промыслов или находящихся в отдаленных горных районах с плохими путями сообщения». Снятие прямого запрета открыло возможность для широкого распространения семейного подряда, фактически — для развития мелкособственнических хозяйств. А в 1982 г. крестьянам было разрешено привлекать к работе «помощников и учеников», что дало возможность законно нанимать рабочую силу в деревне (и в мелком бизнесе в городе); в 1983 г. — разрешена «постепенная концентрация земли в руках умелых землевладельцев», приобретение ими станков, сельскохозяйственных машин и оборудования. При этом оговаривалось, что такие хозяйства «нельзя рассматривать как капиталистические». По словам Дэн Сяопина, «Ну и чего бояться? Что это нанесет вред социализму?» (цит. по: [Панцов, 2013, с. 402, 430, 431]).

С 2005 г. в Китае взят курс на упрочение позиций частного сектора при сохранении зна-

чительной роли госсектора, что сохраняет проблему мощной государственной бюрократии, имеющей огромную власть [Буяров, 2013, с. 38–39]. Вступление КНР в ВТО положило начало новому характеру отношений с США, которые пошли на признание Китая как реальной конкурентной силы в мировом хозяйстве, последствием чего стало создание «Стратегического и экономического диалога между Китаем и США» [*Традиционный Китай на пути к модернизации*, 2013, с. 46].

В строительстве «социализма с китайской спецификой» можно увидеть некоторые явления, общие для модернизирующихся стран (первоочередность аграрной реформы, ставка на развитие экспортоориентированных отраслей в промышленности и т. д., а также сохранение государственной идеологии и авторитарного характера режима). Но, конечно, масштабы Китая ни с чем не сравнимы.

Огромные размеры страны, силы инерции в обществе, демографические проблемы, обострений диспропорций между отдельными районами и провинциями и текущие экономические трудности не обещают легкого завершения третьего этапа реформ.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ВОСТОКА К КОНЦУ XX В.

Казалось бы, в рассмотренных выше странах успех модернизации очевиден. За несколько десятилетий жизнь там неузнаваемо преобразилась, общества стали действительно современными в формационном значении. К началу XXI в. в странах Востока стали заметны результаты диверсификации производства и экспорта, уменьшилось значение аграрного и сырьевого секторов за счет роста современных промышленных производств и сферы услуг. На их долю приходилось 55 % мировой продукции, больше половины прироста мирового ВВП и мирового экспорта, 2/3 золотовалютных резервов, 1/2 мирового потребления нефти, 1/2 общего экс-

порта США, Евросоюза и Японии; на них приходилось вдвое больше европейского экспорта, чем в США и Японию вместе взятые [Уляхин, 2011, с. 247].

Доход на душу населения (в долларах США 2000 г.) вырос в КНР в 1961–2005 гг. с 105 до 1400, в Японии за 1950–2005 гг. с 3500 до 39 600, в Сингапуре за 1967–2005 гг. с 2200 до 25 400, на Тайване за 1965–2005 гг. с 1500 до 16 400, в Омане за 1967–2005 гг. с 950 до 9000 [Фергюсон, 2014, с. 77]. В 2009 г., в период мирового финансового и экономического кризиса и стагнации или падения экономического роста для всех стран мира, темпы роста ВВП составили в КНР 8,3 %, в Индии — 6,5 %¹, во Вьетнаме — 5,3 %, в Индонезии — 4,6 % [Цветкова, 2011, с. 325].

Стало очевидным, что модернизация оправдала себя, став разумной альтернативой нарастанию кризисных процессов и сползанию общества к краху и распаду. Предложенный тип *догоняющей модернизации* оказался единственно возможным в реальных условиях традиционного восточного общества. Страны Востока сумели сократить гигантский разрыв с Западом по многим экономическим и социальным показателям. Важно отметить при этом, что «развитие капитализма происходило здесь в основном под воздействием извне» [Ланда, 2008, с. 143]. Механизм догоняющей модернизации находится одновременно и вне, и внутри многоукладного хозяйства: «Глобализация и технологический прогресс, идущие извне, но проникающие в систему многоукладных производительных сил, становятся ее факторами, но факторами зачастую генетически и сущностно инородными. Воздействуя на местный, уже сформировавшийся рынок, внешние импульсы сталкиваются с наличием укладной самоорганизации, и потому их воздействие не может не иметь характера вмешательства, корректирующего уже наличествующий социохозяйственный процесс» [Уляхин, 2011, с. 244–245].

Очевидно, что восточные общества не стали копией Запада, западная модель не реализована

там целиком и полностью ни в экономике, ни в социальной жизни, ни тем более — в политике или культуре. Напротив, модернизация там не только подавляет и упраздняет, но и возрождает некоторые элементы традиционного ОПО, которые приобретают системообразующий характер, самый очевидный пример — ислам.

В то же время отметим очевидную противоречивость отношения модернизированных мусульман к США как образцу западной модели развития. Фатали Мохаддам, анализируя перемены в менталитете мусульман, отмечал «наличие одновременно притяжения и отвержения, любви и ненависти, которые переживают исламские общества по отношению к Соединенным Штатам. С одной стороны, люди в исламских обществах, даже исламисты-фундаменталисты, испытывают сильное притяжение к Соединенным Штатам, и многие из них при малейшей возможности эмигрировали бы в Америку. С другой стороны, некоторые люди испытывают очень негативные чувства и даже ненависть в отношении США» [Мохаддам, 2011, с. 35].

В социально-экономической сфере закрепляется многоукладность при конкурентном взаимодействии иностранного и национального капиталов, сосуществовании современных промышленных производств и полукустарных мастерских, европейской современной культуры и патриархальных (племенных) начал. Многоукладность имела свой характер в каждой сфере общественной жизни: в экономике соотношение современных и традиционных начал было скорее в пользу первых, в социальной сфере — в пользу вторых. Эта неравномерность порождала противоречия и конфликты. Неустойчивость общества делала возможным его откат назад в социально-экономическом и политическом отношении, как показал опыт Афганистана.

В результате асинхронного процесса ускоренного развития с проявлениями начал синтеза, симбиоза и отторжения, на Востоке к концу XX в. возникла, а точнее, — начинает возникать

1 Подробнее о проблемах модернизации в Индии см. [Куценков, 2020].

иная модель современного общества, с иными системообразующими началами.

Развитие капитализма происходило на Востоке в основном под воздействием внешнего фактора — Запада (см.: [Капитализм на Востоке... 1995; Развитие капитализма в арабском мире... 1988]). Капиталистический строй возникал не столько естественным образом (сталагмитовый тип развития), сколько насаждался сверху государством и западным капиталом (сталактитовый тип). Причем развитие шло по нескольким руслам: мелкотоварный капитал, национальный капитал, иностранный капитал, монополистический капитал, государственный капитал — и все они одновременно с сохранявшимся натуральным укладом действовали в торговом, финансовом, сельскохозяйственном и промышленном секторах национальной экономики. О многоукладности на Востоке много писал А. И. Левковский, определяя уклад как «особый тип производственных отношений» и связанный с ним образ жизни слоев и групп населения (см.: [Левковский, 1978, с. 12–32]).

К концу XX в. следствием этого стали два явления: устойчивая многоукладность, «дробность капитализма» и господство государства в общественной жизни, т. е. вопреки западной модели — не универсализация норм жизни и возрастание внутренней однородности общества во всех сферах его жизни, а закрепление многослойности общества при сохранении государства в роли социального арбитра.

Несколько десятилетий назад Л. И. Рейснер писал об этом сложном и противоречивом процессе: «...обе противоположные тенденции — разрушение старого базиса и формирование элементов нового базиса — составляли определенное единство, поскольку они вместе весьма активно участвовали в формировании колониальной социально-экономической структуры, заметно отличавшейся от

законченной модели и докапиталистического, и буржуазного общества именно по той причине, что такая общественная структура являлась своеобразным синтезом их обеих» [Эволюция восточных обществ... 1984, с.137].

Но в 1970-е гг. Запад был на подъеме, западная модель развивалась в результате НТР и заметно усилилась, преодолев «нефтяной кризис» в экономике и революцию 1968 г. в политике и культуре. Спустя тридцать лет начали проявляться пределы существующей западной модели развития, и финансовый кризис 2008 г. показал это всем. Западная модель исчерпала свой потенциал и перестала быть нормативным образцом для незападных обществ. Вот почему проблема модернизации становится вновь актуальной для Востока, и не только для Востока.

В свою очередь, это порождает вопрос о перспективах западной модели: в какой мере она может сочетаться с цивилизационными основами восточного общества? Возможно ли современному восточному обществу выйти за рамки собственно капиталистической модели, имея в виду опыт социалистического развития СССР, Китая и некоторых других стран (социалистических, социалистической ориентации или некапиталистических)? К концу XX в. стало понятным, что позитивное начало, содержащееся в модели «социалистической модернизации» — мобилизационная модель ускоренного развития экономики — исчерпала себя, а политические противоречия и социальные конфликты усугубляли экономические трудности. Социализм и капитализм, различающиеся методами, но не целями развития, оказались «двумя дорогами к одному обрыву»² [Шафаревич, 1994, т. 1, с.363]. Поиски «третьего пути развития», например М. Каддафи в Ливии, с его идеями «Третьей всемирной теории» («общество без денег и прибыли», «общество безвластия и свободы», «время

2 И. Р. Шафаревич выразил сомнение в модели развития, основами которой считал прогресс, сциентизм, технологизм, универсальность и беспочвенность, назвав ее «утопией», несущей в себе залог собственной гибели. «Основным и наиболее загадочным свойством всего живого... является знание им своей формы, способность к самоограничению... Отказ от ограниченности оборачивается для технологической цивилизации потерей этого свойства. Современная техника... может развиваться лишь неограниченно увеличиваясь и убыстряясь» [Шафаревич, 1994, с. 359].

Пол Пот (1925–1998) во время встречи с Генеральным секретарем Компартии Румынии Николае Чаушеску (28.05.1978)
По: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nicolae_Ceaușescu_with_Pol_Pot.jpg

Джамахирии, эпоха, когда каждый и управляет и правит») (см.: [Каддафи, 2012, с. 5–97]), оказались столь же ограниченными.

Известен пример модернизации, использовавшей синтез восточных и западных начал, но приведшей к ужасающим результатам. Самая радикальная попытка выхода за рамки индустриального общества, следуя при этом логике развития западной модели, была предпринята в Кампучии (Камбодже) в **период правления Пол Пота** в 1975–1979 гг., где произошло то, что можно назвать анти-синтезом: чудовищный гибрид ультрасовременных, модернистских преобразовательных замыслов выпускников Сорбонны и традиций старого восточного общества. «Красные кхмеры» решили построить новое коммунистическое общество на пустом месте: люди, испорченные западной цивилизацией в процессе модернизации, подлежали перевоспитанию в сельскохозяйственных коммунах, зачастую — физическому уничтожению. Были разрушены социально-экономическая и общественно-политическая структуры общества, а страна закрыта от остального мира за «бамбуковым занавесом».

Придя к власти, революционеры провозгласили идеи построения социалистического общества, но вскоре осознали, что и его основу составляет структуры индустриализма, порождающие немалые противоречия и недостатки. Им показалось возможным преодолеть их путем буквального отрицания принципов и структур западной индустриальной модели. В реальности

оказалось, что режим Пол Пота в своей политике модернизации сочетал идеалы социализма и некоторые идеалы традиционного общества (недостаток представлений о ценности личности, об уникальности каждого отдельного индивида, о свободе личности и ее правах) с гипертрофированными коллективистскими и эгалитаристскими началами.

Феномен полпотовщины не имеет прецедентов в истории (не по степени жестокости режима, а по его движущим идеалам). Это пример формального синтеза при фактическом извращении здравого смысла. Ультралевацкие идеи, вызревшие в парижских кварталах под влиянием идеологии революционаризма и событий революции 1968 г. в западных странах, были наложены на бедное и крайне отсталое восточное общество. Осуществлялась попытка решить реально существующие проблемы не одной Кампучии, а многих стран Востока — но в обход современного прогресса.

Неконтролируемую урбанизацию заменяли ликвидацией городов, социальное неравенство — насильственным уравниванием, рационализацию структуры экономики путем ее диверсификации — возвратом к примитивному хозяйствованию в натуральных формах, перестройку не всегда выгодных внешнеэкономических связей с Западом — выходом из мирового хозяйства, негативное влияние демонстрационного эффекта — пресечением всех внешних связей страны, неравенство внутри общества в культурном развитии — физи-

ческим уничтожением всех, стоящих выше по своему развитию. Все это привело к катастрофическим последствиям и отбросило Кампучию едва ли не на столетия назад по всем показателям развития (см.: [Самородный, 2013]).

Демонстративным знаком отторжения западной модели развития модернизированным Востоком стали события 11 сентября 2001 г., которые были с энтузиазмом восприняты во многих восточных странах.

Яркие примеры верности модернизированного Востока традиционной системе ценностей дали события *Арабского пробуждения* в 2011–2012 гг. В захваченных ими арабских странах за политической борьбой отдельных партий и социальных группировок находится конфликт социальных, религиозных и культурных ценностей современного западного общества, в той или иной мере в процессе вестернизации вошедших в плоть восточного социума, и ценностей, присущих арабо-мусульманской цивилизации. Это конфликт не авторитаризма и демократии или нищеты и богатства, а Традиции и Современности (см.: [Ближний Восток... 2012, с. 3–20]).

ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН ВОСТОКА В СИСТЕМАХ МКХ И МО

Положение стран Востока в системах мирового капиталистического хозяйства (МКХ) и международных отношений (МО) к концу XX в. существенно изменилось.

В 1955 г. Дж. Неру в своей знаменитой речи в Бандунге развил идею французского социолога А. Сови о разделении мира (см.: [Ханна, 2010, с. VI]). на «первый» — Запад, «второй» — СССР и социалистические страны и «третий» — все остальные страны, т.е. Азия, Африка и Латинская Америка. Идея стала идеологической конструкцией для формирования *Движения неприсоединения*. Осознание общности интересов (преодоление экономической и социальной отсталости) вызывало к жизни попытку стран «третьего мира» выдвигать собственные экономические

цели (борьба за Новый экономический порядок в конце 1970-х гг.). Однако установить более равноправные отношения в сфере экономики со странами Запада получилось лишь у нефтедобывающих стран Азии, Африки и Латинской Америки, объединившихся в ОПЕК. Способность к самостоятельному развитию и расширению своего влияния показали Китай, Индия и еще немногие страны Востока.

В результате модернизации произошла заметная дифференциация еще недавно сплоченного своей слабостью, отсталостью и враждебностью к Западу Востока по нескольким важным критериям. Образно говоря, некогда единый «третий мир» разделился на «второй-третий», приблизившийся к Западу, и «третий-четвертый», остановившийся в своем развитии. Например, модернизированная Саудовская Аравия имеет хорошие экономические и социальные показатели качественно нового состояния. Афганистан, напротив, откатился назад по таким показателям.

П. Ханна предлагает классификацию стран мира в начале XXI в. по критериям величины страны, уровня ее стабильности и благосостояния, а также главенствующего мировоззрения, причем, заявляет она, «наиболее убедительной идеологией надо признать успех, а отнюдь не демократию, капитализм или какую-либо иную доктрину» [Ханна, 2010, с. 4, 23]. Отнеся США, ЕС и КНР к странам «Первого мира», к «Третьему миру» — 48 наименее развитых стран («четвертый мир», «глобальный Юг»), автор выделяет как страны «Второго мира» «регионы гигантского потенциала, как фактического, так и нереализованного», эти страны «относятся и к Первому и к Третьему мирам одновременно...» — Россия, Индия, Бразилия, Турция, ОАЭ, Вьетнам, Сингапур... «Страны Второго мира выглядят ключевыми точками опоры в многополярном мире, поскольку их решения могут изменить глобальный баланс сил» [Ханна, 2010, с. 23, 24], — справедливо замечает автор.

Перенос странами Запада промышленного производства в страны Востока в конце XX — начале XXI в. дает примеры новых форм организа-

ции мировой экономики, в которой восточные страны оказались хотя и неравноправными, но все же реальными участниками экономического развития. Едва ли это стоит рассматривать как видоизмененную форму былой миссии передового Запада среди отсталых народов. «Бремя белых приятно нести, когда разрешено бить туземцев по пяткам, но если требуется уступать туземцам место в трамвае, то на кой ляд такое бремя белых сдалось?», — иронично передает отношение европейцев М. К. Кантор [Кантор, 2014, с. 226].

До недавнего времени большое значение придавалось возрастанию зависимости Запада от поставок сырья из стран Востока как фактору потенциального возрастания роли Востока в системе МКХ. Однако новые технологии и структурные изменения в процессах производства и потребления в западном обществе существенно уменьшили опасность дефицита³ ресурсов, хотя и не ликвидировали ее.

Важной тенденцией в системах МО и МКХ стало формирование региональных общностей во главе с региональными державами. Наиболее очевидный пример этому — политика КНР в Тихоокеанском регионе. Китайский феномен по сути ставит под вопрос или даже снимает привычное деление мира по критериям «слабый Восток — сильный Запад». В Тихоокеанском регионе сформировался «китайский треугольник», вершинами которого стали Китай, Япония и Австралия. Ни одна из стран Востока, и не только Востока, уже «не в состоянии противостоять экономическому, демографическому, политическому и культурному наступлению Пекина» [Ханна, 2010, с. 336].

В то же время, одни лишь социально-экономические характеристики, конечно, не могут выразить состояние всего общества, всего ОПО. И по критериям экономическим, социальным,

политическим, религиозным и культурным следует отметить сохраняющуюся на рубеже веков и тысячелетий общность модернизированного Востока, которую можно назвать *устойчивой переходностью* с формационной точки зрения или *устойчивой традиционностью* с цивилизационной точки зрения.

Названная двойственность, дуалистичность Востока проявляется и в его рецепции в системах МКХ и МО со стороны Запада. Это тем более существенно, что в 1990-е гг. весь мир вступил в период повышенной турбулентности, когда его основы — государства всеобщего благоденствия на Западе и государства национального развития на Востоке — отвергли существующее status quo. Перед ними встали новые проблемы, понадобилось решать новые задачи, и прежние отношения в рамках МКХ и МО уже стесняли возможности действовать по-новому.

П. Ханна в качестве нового параметра развития отмечает для стран Востока возможность выбора между американской и европейской моделями. Вторая кажется привлекательнее, поэтому страны Востока «предпочитают воспроизводить в большей степени “европейскую мечту”, а не американскую», тем более что европейцы стремятся к стабилизации на Востоке, а Америка «дестабилизирует страны на европейской периферии, особенно в арабском мире» [Ханна, 2010, с. 36, 37].

Кроме того, в наступившую эпоху привычный набор критериев силы — военная мощь, финансовые ресурсы и новейшие технологии — дополняется и теснится новым критерием — культурой, включающей традиционные ценности (язык, религию, обычаи) и элементы современной европейской культуры. Если вторая половина XX в. очевидно была периодом бурной экспансии американской культуры, но ныне ее позиции слабеют. Нормативные показатели политического раз-

3 Примером уверенного оптимизма служит книга американского автора Дж. Саймона «Неисчерпаемый ресурс» (1996). Он утверждает: «Существует ли сейчас проблема природных ресурсов?.. Показатели редкости ресурсов — измеренные количеством труда, затрачиваемого на их добычу, или ценами на сырье, соотношенными со средней заработной платой и ценой других благ, — неизменно свидетельствуют, что природные ресурсы делаются со временем менее редкими» [Саймон, 2005, с. 34].

вития («Вестминстерская демократия») теряют на Востоке свою привлекательность, в то время как традиционные нормы социально-политической жизни сохраняют свое значение.

Тем не менее цели развития в любом обществе остаются прежними: повышение экономической эффективности для обеспечения материальных потребностей людей, создание условий для приемлемой большинством социальной справедливости, предоставление индивидуальной свободы в духовной, политической и культурной жизни людей.

До последнего времени решению этих задач отвечала западная модель потребительского общества, однако во многих странах Востока жители ощущают себя не только потребителями, но и гражданами или приверженцами определенной религии. Пути и способы достижения привлекательных целей виделись на Востоке более ясными до кризиса западной модели развития.

«Успех или демократия?», «успех или верность религии?», «успех или процветание страны, общества, общины?» — вот вопросы, порожденные успешной модернизацией на Востоке и свидетельствующие о возрастании самостоятельности восточных обществ по отношению к исходной модели капиталистической модернизации. Это позволяет предположить в долгосрочной перспективе возможность неожиданных парадигмальных поворотов или aberrаций, резких смещений в привычной мировой системе.

Пока же нынешние тенденции развития МКХ и МО показывают неуклонное возрастание роли и значения стран Востока при любой их классификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. — 595 с. [*Middle East, Arab Awakening and Russia: What's Next?* Eds. V. V. Naumkin, V. V. Popov, V. A. Kuznetsov. Moscow: IOS RAS, 2012. — 595 p. (in Russian)].

Буяров Д. В. *Современный Китай. Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология*. М.: Красанд, 2013. — 296 с. [Buyarov D. V. *Modern China. Socio-Economic Development, National Policy, Ethnopsychology*. Moscow: Krasand, 2013. — 296 p. (in Russian)].

Галич З. Н. Феномен Сингапура и Гонконга. *Что догоняет догоняющее развитие*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 302–320 [Galich Z. N. *The Phenomenon of Singapore and Hong Kong. What Is the Catching-up Development Catching up with*. Moscow: IOS RAS. Pp. 302–320 (in Russian)].

Государства в таблицах. Краткий статистический справочник. Сост. Г. Б. Ерусалимский. СПб.: Комильфо, 2010. — 226 с. [States in Charts. Brief Statistical Reference. Comp. by G. B. Yerusalimsky. Saint Petersburg: Comme il faut (Komilfo), 2010. — 226 p. (in Russian)].

Жевахов А. *Кемаль Ататюрк*. М.: Молодая гвардия, 2008. — 344 с. [Zhevakhov A. *Kemal Atatürk*. Moscow: Molodaya Gvargiya, 2008. — 344 p. (in Russian)].

Каддафи М. *Завещание*. М.: Алгоритм, 2012. — 320 с. [Gaddafi M. *The Testament*. Moscow: Algorithm, 2012. — 320 p. (in Russian)].

Кантор М. *Стратегия Левиафана*. М.: АСТ, 2014. — 448 с. [Cantor M. *The Leviathan Strategy*. Moscow: AST, 2014. — 448 p. (in Russian)].

Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Под ред. В. Г. Растянникова, Г. К. Широкова. М.: Восточная литература, 1995. — 435 с. [*Capitalism in the East in the Second Half of the 20th Century*. Eds. V. G. Rastyannikov, G. K. Shirokov. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. — 435 p. (in Russian)].

Киссинджер Г. *О Китае*. М.: АСТ, 2014. — 635 с. [Kissinger G. *On China*. Moscow: AST, 2014. — 635 p. (in Russian)].

Кутенков А. А. Индия: проблемы модернизации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 135–160 [Kutsenkov A. A. India: Problems of Modernization. *Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS*. 2020. No. 1. Pp. 135–160 (in Russian)].

Ланда Р. Г. *Социология современного Востока*. М.: Новости, 2008. — 416 с. [Landa R. G. *Sociology of the Modern East*. Moscow: Novosti, 2008. — 416 p. (in Russian)].

Левковский А. И. *Социальная структура развивающихся стран*. М.: Мысль, 1978. — 416 с. [Levkovsky A. I. *Social Structure of Developing Countries*. Moscow: Mysl, 1978. — 416 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*, 2 изд. Т. 9. М.: Издательство политической литературы, 1957. — 500 с. [Marx K., Engels F. *Writings*. 2nd ed. V. 9. Moscow: Political Literature Publishers, 1957. — 500 p. (in Russian)].

Мохадам Ф. *Терроризм с точки зрения террористов*. М.: Форум, 2011. — 288 с. [Mohaddam F. *Terrorism from the Point of View of the Terrorists*. Moscow: Forum, 2011. — 288 p. (in Russian)].

Панцов А. *Дэн Сяопин*. М.: Молодая гвардия, 2013. — 558 с. [Pantsov A. *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2013. — 558 p. (in Russian)].

Развитие капитализма в арабском мире. Под ред. В. В. Наумкина, Л. А. Фридмана. М.: Наука, 1988. — 386 с. [The Development of Capitalism in the Arab World. Ed. V. V. Naumkin, L. A. Fridman. Moscow: Nauka, 1988. — 386 p. (in Russian)].

Саймон Дж. *Неисчерпаемый ресурс*. Челябинск: Социум, 2005. — 797 с. [Simon J. *Inexhaustible Resource*. Chelyabinsk: Socium, 2005. — 797 p. (in Russian)].

Самородный О. *Пол Пот. Камбоджа — империя на костях?* М.: Алгоритм, 2013. — 320 с. [Samorodny O. *Pol Pot. Cambodia — an Empire Standing on Bones?* Moscow: Algorithm, 2013. — 320 p. (in Russian)].

Современный Тайвань. Под ред. П. М. Иванова. Иркутск: Улисс, 1994. — 352 с. [Modern Taiwan. Ed. P. M. Ivanov. Irkutsk: Ulises, 1994. — 352 p. (in Russian)].

Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: Форум, 2012. — 416 с. [A Comparative Analysis of the Common Features and Characteristics of the Transition Period in Russia, China and Vietnam. Moscow: Forum, 2012. — 416 p. (in Russian)].

Традиционный Китай на пути к модернизации. М.: Красанд, 2013. — 320 с. [Traditional China on the Road to Modernization. Moscow: Krasand, 2013. — 320 p. (in Russian)].

Уляхин В. Н. Дорожная карта «догоняющего» развития. *Что догоняет догоняющее развитие*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 244–284 [Ulyakhin V. N. The Road Map of the “Catching-up-Development”. *What Is the Catching-up Development Catching up with*. Moscow: IOS RAS, 2011. Pp. 244–284 (in Russian)].

Фергюсон Н. *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира*. М.: Corpus, 2014. — 568 с. [Ferguson N. *Civilization. How is the West Different from the Rest of the World?* Moscow: Corpus, 2014. — 568 p. (in Russian)].

Ханна П. *Второй мир*. М.: Свободная мысль, 2010. — 571 с. [Hannah P. *The Second World*. Moscow: Free Thought, 2010. — 571 p. (in Russian)].

Цветкова Н. Н. Страны Востока и догоняющее развитие. *Что догоняет догоняющее развитие*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 321–348 [Tsvetkova N. N. Countries of the East and Catching up Development. *What Is the Catching-up Development Catching up with*. Moscow: IOS RAS, 2011. Pp. 321–348 (in Russian)].

Шафаревич И. Р. *Сочинения*. Т. 1. М.: Феникс, 1994. — 448 с. [Shafarevich I. R. *Writings*. V. 1. Moscow: Phoenix, 1994. — 448 p. (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984. — 580 с. [Evolution of Eastern Societies: The Synthesis of Traditional and Modern. Moscow: Nauka, 1984. — 580 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного*. М.: Институт стран Востока, 2015. — 392 с. [Yakovlev A. I. *Countries of the East in the Era of Globalisation: Synthesis of Tradition and Modernity*. Moscow: Institute of Eastern Countries, 2015. — 392 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX вв.* М.: Ленанд, 2006. — 504 с. [Yakovlev A. I. *Moscow: Lenand, 2006. — 504 p. (in Russian)].*